

Роман Вершилло

# Политика силы и политика правды



Москва, Антимодернизм.Ру, 2024

**Вершилло, Роман Алексеевич. Политика силы и политика правды. М.: Антимодернизм.Ру, 2024. 45 с.**

Православный публицист Роман Вершилло (род. 1963 г.) сравнивает политику силы и политику правды в терминах политической философии. В книге противопоставлена политика правды, как единственно христианская, политике силы, которая является симптомом духовной болезни личности и общества в целом. В отдельных выпусках книга публиковалась на сайте Antimodern.ru в 2021 году.

Иллюстрация на обложке

Фотография памятника Генриху Пятому в Стратфорд-на-Эйвоне.

## Содержание

<b>Что такое политика силы . . . . .</b>	<b>4</b>
<b>Политика силы и ее реализм . . . . .</b>	<b>12</b>
<b>Политика силы и воля к власти . . . . .</b>	<b>19</b>
<b>Социальный сатанизм . . . . .</b>	<b>24</b>
<b>Что такое политика правды и где мы ее находим . . . . .</b>	<b>28</b>
<b>Свойства политики правды . . . . .</b>	<b>32</b>
<b>Как мыслит политика правды . . . . .</b>	<b>36</b>
<b>Возражения против политики правды . . . . .</b>	<b>41</b>
<b>Список литературы . . . . .</b>	<b>44</b>

## **Что такое политика силы**

В этой небольшой брошюре я бы хотел исследовать политику силы и рассмотреть ее существенные стороны. Для этого я расскажу сначала о политике силы, затем о противоположности политики силы – политике правды. И, наконец, постараюсь разобрать возражения против политики правды.

---

Человек, новый человек, необычный человек следует своей воле, перед которой бессильно любое слово, любая истина, общая и частная.

Новый человек творит свою волю. В своем столкновении с другими людьми он идет до победы, поражения или незаконного соглашения. В этом и состоит политика силы.

Мы наблюдаем политику силы в нашем светском обществе, в Православной Церкви, в средствах массовой информации и коммуникации, в искусстве, науке и образовании. Короче говоря, она вездесуща и не допускает наряду с собой никакой другой политики, а тем более политики правды.

Мы не ощущаем новизны политики силы, потому что она с нами давно, если мерить по меркам одной человеческой жизни. Но в историческом смысле она новая, сознается ее представителями именно как новая и противопоставляется политике в ее античном и христианском смысле.

### **Политика силы связана с мифом о свободе**

Начнем мы с того, что новый человек следует своей воле и идет в этом до конца, потому что ощущает себя свободным в выборе добра и зла, истины и лжи. Он свободен творить добро и зло, и знает это. Отметим, что его знание – гностическое, а его свобода, о которой он как бы знает, есть миф.

Если мы дадим себе труд увидеть вещи, каковы они есть, то мы увидим, что православные модернисты, например, и в Церкви идут путем безграничной свободы.

Уже лет шестьдесят церковные реформаторы творят все зло, какое хотят, и произносят всю ложь, на повторение которой они способны. Их воля не ограничена ни разумом, ни совестью, и эту свою волю они делают законом для Церкви.

Так они превращают правду в ложь, а ложь – в правду.

Правда и ложь не просто меняются местами. Нет, этой переменной руководит новый человек, который теперь властвует правдой и ложью. Теперь человек – закон для Церкви, а сама его переменчивость – закон для правды и лжи.

Возникает неведомая прошлым векам ситуация, когда человек уверен, что он может делать все что захочет в этом мире и даже в загробном. Захочет – Богу будет молиться. Захочет – будет кощунствовать. Захочет – он и в аду будет противиться Богу, согласно мифологии Ф.М. Достоевского.

Человек может даже делать то и другое попеременно: сжигать все, чему поклонялся, и поклоняться всему, что сжигал.

Вот такая удивительная перемена происходит в Новое время с новым человеком.

## **Почему свобода это миф?**

Понятие абсолютной свободы уводит в неразрешимые противоречия, каких не может быть в реальной жизни. А свобода пред Богом – это и есть абсолютная свобода. Такая свобода явно противоречива, и значит это мнимая свобода.

Абсолютная свобода никак не совместима с человеком, существом тварным и подверженным греху. Всемогушество и всевластие в руках ограниченного существа может быть только мифом, причем таким мифом, который на каждом шагу демонстрирует свою лживость.

Свобода без всякого закона и правила переходит в несвободу для себя и других. Как говорил еще Шигалев в «Бесах» Достоевского:

Выходя из безграничной свободы, я заключаю безграничным деспотизмом.[1, С. 311]

И обратно, добавим от себя мы.

Оно и понятно: свободу рождает больное сознание, и это патологическое сознание выдает все время непоследовательные реакции и абсурдные выводы.

Поэтому мы назвали свободу мифом, хотя все описанное вроде бы происходит на самом деле. Мы и сами фиксируем слова и дела модернистов на наших сайтах «Антимодернизм» и «Два града».<sup>1</sup>

Свобода – миф, но такой, который новый человек разыгрывает в действительности, например, в светских религиозных ритуалах, таких, как выборы, революции, митинги и многих других. В этом отношении она поддается историческому описанию.

## **Политика силы бессильна**

Итак, на самом деле наш «свободный» человек безвластен и несвободен, и более всего – в Церкви, которую он думает реформировать или разоблачать. Он только думает, что он свободен. Его только принимают за свободного такие же свободные, как он.

<sup>1</sup> <https://antimodern.ru/> и <https://dvagrada.ru/>.

Согласимся, что его воля к власти действует без всяких преград, но только в вымышленном и созданном им мире.

Поэтому политика силы бессильна. Для Церкви и для христианина ничего не меняется от деятельности модернистов, потому что всех ждет Последний Суд.

В мировой истории терпят поражение гитлеры и наполеоны, гибнут партии и диктаторы, умирают миллиардеры и разоряются глобальные корпорации. Нужны только терпение и вера, и воздушные замки развеются сами.

Порядок в мире остается неизменным несмотря на всяческие безобразия, которые творят представители политики силы. В мире неизменно и свято царствует Царь царей и Господь господей (Втор. 10:17).

### **Для политики силы природа – это беспорядок**

И все-таки мы не зря говорили о противоречивой природе свободы и политики силы. Политика силы и свободное следование своей воле не остаются без последствий, раз человек ведет себя в мире так, как будто он свободен.

Богоустановленный порядок в мире остается неизменным, а человек меняется, мягко говоря, не в лучшую сторону.

Теперь рассмотрим, что происходит с человеком, но все время будем держать в памяти, что порядок неизменен и содержится Промыслом Божиим, награждающим и карающим людей.

Возьмем в качестве точки отчета все ту же свободу. Согласно этому мифу, человек способен произвольно изменять себя в лучшую или худшую сторону. Сразу или постепенно, в акте мгновенного обращения или в процессе совершенствования – это все равно.

Обратная сторона такой свободы состоит в том, что человек вынужден опасаться любого другого человека. Твой ближний одарен такой же случайной и неразумной свободой, как и ты. Он в любую секунду может сделать все что угодно, в том числе с тобою и с самим собой. Ты можешь измениться в любую сторону в любое мгновение, и твой сосед точно так же.

Свобода здесь показывает нам, что она есть отрицание порядка, а именно отрицание совершенства Творца, Его творения и Промысла. Одновременно свобода показывает, что в ней есть гордость и сатанинский бунт против порядка вещей, против порядка в устройении души и общества, и, наконец, против сверхъестественного порядка.

Знаменитый реализм политики силы как раз и состоит в гностическом знании, что никакого порядка нет, и в рациональных советах о том, как человеку быть, если порядка нет. Теперь уже «гордостью» и «идеологией» называют знание о порядке и следование неизменному порядку вещей.

Политика силы рассматривает естественный порядок как беспорядок, как случайность, как враждебное ей несовершенство. Она намерена (и это действие воли) внести порядок, руководствуясь своим гностическим знанием.

В новом человеке нет ничего постоянного, нет врожденного, ничего старого, кроме пережитков. Он почти все приобретает своими усилиями.

Человек выступает фактически против природы, побеждает ее неупорядоченность. Теперь природа человека, природа Церкви больше не является неизменной. Природа это как раз та граница, которую необходимо перейти.

Порядок установленный и сохраняемый Богом, Божественная любовь и суд, проявляющиеся в Промышлении Бога о людях, больше ничего не упорядочивают и сами в себе не упорядочены.

Любая иерархия, кроме той, в которой ты занял главенствующее положение, считается порождением гордости.

### **Откуда политик силы знает, что мире царит беспорядок?**

Политик силы знает людей и их дела, и он видит их изменчивость и страстность. Вот откуда он знает, что в мире господствует принцип беспорядка, случая. Благодаря этому знанию гностик может приспособиться к беспорядку, на время обрести покой и обещать его другим.

Новый порядок произвольно накладывается поверх беспорядка. И поэтому новый порядок может быть в любой момент оспорен как произвольный, как это прекрасно показал Лейбниц в письме Томасу Гоббсу.[2]

Теперь революции и реформы входят в правила игры, которыми руководствуется политика силы.

Раз в мире нет порядка, то единственное упорядочение, согласное с волей, это стремление вперед, прогресс. Надо бежать, чтобы не упасть. Поэтому в новом гностицизме движение – всегда жизнь, а неподвижность – смерть.

Мы задумываемся над упорством модернистов и других революционеров в их переустройстве мира, Церкви, в переделывании человека в разных курсах и тренингах. Зачем революция, зачем реформа Церкви? Она им необходима, потому что это единственная форма, которую обретает иррациональная воля и рационально не ориентированная сила.

Для новых гностиков природное состояние – это вечный страх. Человек обнажен, разоблачен перед всем миром. Он ни в какой момент не упорядочен свыше, и поэтому вынужден устанавливать порядок самостоятельно. Теперь это вопрос выживания, а мироустроющая деятельность становится буквально спасительной.

Нельзя более мирно и покойно жить в этом мире. Человек должен вносить порядок в беспорядок, чтобы избавиться от страха смерти. В синергии

с Богом и соработничестве с людьми человек защищает себя от случая, от беспорядка природы. Отсюда многоделание, героическое завоевание Арктики, космоса, а теперь – психики и генетического микромира.

Над всем этим новый человек водружает новое государство. Ведь старое государство не защищало от случайности, оно само основывалось на Божественном порядке. И новый человек вынужден создавать новую церковь, потому что старая не защищает неверующего от его новой неуверенности.

## **В политике силы нет разума**

Свобода производит не только внешние разрушения, но и внутренние.

Новые люди, то есть идеологи, православные модернисты и им подобные, ощущают себя свободными и ведут себя как свободные, потому что отрицают для себя разум как голос правды в человеке.

Они не подчиняются разуму и закону, а точнее говоря, подчиняются в той мере, в какой они хотят. Ударение здесь на слове «хотеть», на воле и желании самого человека.

Разум и закон более не властвуют в мире таких новых людей. Теперь разум и закон обезглавлены, они только служат новому человеку, они подчиняются ему.

Правда, как внешний и высший Божий закон, более не царствует над таким человеком. Человек не подчиняется правде, и в таком человеке более не царствует ум. Новый человек уже не управляет, не владеет сам собой. Здесь опять обманчивая природа свободы выходит наружу. То есть за свободу произвольно изменяться приходится расплачиваться полной несвободой.

Зато новый человек – например, какой-нибудь деятель реформы в Русской Православной Церкви – сам ставит себе цели, он сам себе закон. Его иррациональная воля, которой он не понимает и которой он не управляет, вот каков его закон. И он думает менять мир и Церковь в соответствии с этим законом.

## **Сила как единственное средство ориентации ко благу**

Мы отчасти разобрались с мифом свободы. Теперь мы можем говорить о политике силы более основательно и разберем по порядку все, что вытекает из реализованного мифа о свободе.

Для свободного человека, которого мы описали, единственным руководством и объяснением всего становится сила.

Человек не хочет зла, он хотел бы ориентироваться на добро, но разум отринут, а сила не ведет его к благу прямым путем закона, а только заворачи-



живает его в прямом, магическом смысле слова, обманывает бесконечными возможностями.

## **Предварительные выводы**

В этом месте мы подведем предварительные итоги.

Мы выяснили, что отсутствие порядка проявляется во всех существенных областях.

Нет разума и правды, то есть правдивой и прямой речи о правде.

Невозможно отличить мудрость от глупости. Глупость и безнравственность получают равные права с мудростью и глупостью.

Руководителем, то есть новым «умом» вместо старого, становится рационально рассчитанная сила.

Мудрые люди больше не нужны. Место мудрецов занимают носители силы.

Разница между мудрыми и глупыми стирается.

Мудрые и праведные больше не должны руководить государством и Церковью.

Мы даже не знаем, кто должен править: мудрые или глупые, старые или молодые, многие или немногие, мужчины или женщины.

Новое теперь принципиально лучше старого, а возрожденное ценится выше сохранения того, что имеешь.

Невозможно разобрать, какой образ жизни предпочтителен для человека и какая форма правления в государстве является наилучшей.

Наконец, слова больше ничего не значат и ни к чему не руководят.

Теперь начнем по порядку раскрывать эти предварительные утверждения.

## **Мудрые больше не нужны**

Больше нет закона, и теперь не нужны мудрые, наставники, которые понимают и следуют закону:

В законе Господни воля его. (Пс. 1:2)

То есть мудрые все еще существуют, но более не служат руководителями. Их слова не слышны, потому что кажутся глупыми.

Мудрый нужен только тому, кто сам повинуется закону и обладает мудростью хотя бы настолько, чтобы слушать людей разумных. А если этого нет, то мудрец – это всего лишь чудака, безобидный или опасный.

Место мудрецов занимают люди, обладающие той или иной силой.

Поэтому, допустим, телеканал «Спас» приглашает к себе о. Павла Островского, человека не только не мудрого, не только не образованного, но и откровенно глупого.

Или так называемый «Моргенштерн», который становится предметом поклонения и уважения и не только у подростков.

Выглядит это довольно странно, если вдуматься. Зачем людям, пусть и не самым мудрым, нужны глупые и развращенные? Неужели глупцы и развратники способны принести в мир порядок и покой? Неужели от них ожидают услышать что-то умное или оригинальное, хотя узнать что-то новое?

За этим стоит железная необходимость. Новые люди не могут не слушать Моргенштерна и священника Островского.

Дело в том, что свободный человек ищет большую уверенность, большую определенность, чем та, которую могут дать разум и вера.

Вспомним, что новый человек больше не руководится законом. Его не устраивает неопределенность, гуманитарная неясность, присущая всем делам человеческим. Он как бы не совсем человек, и из-за этого дела человеческие, добро и зло, ему непонятны.

Вместо скромной, обычной точности веры и разума, новый человек ищет математическую, геометрическую точность, и находит ее в политике силы, в политике светской и Церковной.

Если ты хочешь, чтобы тебя понял новый человек, ты должен сказать ему не человеческим языком, а точнее и прямее, чем принято у людей.

И в самом деле: мы ведь никогда не знаем с полной уверенностью, кто именно является мудрым или самым мудрым из знакомых нам людей. Эта неясность не может быть устранена и приходится думать самому. Но в уме нет руководителя, нет царя, как мы говорили.

Но даже если мы нашли старца-мудреца, то неясность остается. Мы не можем заранее знать, что он нам скажет. Мудрый и святой может сказать нам то, чего мы не поймем, не сможем исполнить, или то, что нам не нравится.

Вот поэтому, чтобы искоренить неясность, телеканалы и простые слушатели ищут уверенность в силе. А силу, в отличие от разума и совести, легко измерить: числом подписчиков, тиражами, деньгами или еще чем-нибудь другим.

## **Равенство**

Разница между мудрыми и глупыми стирается. Она есть, но не имеет значения, как не определяемая в числах. Люди равны и взаимозаменяемы. Вот каков трезвый вывод человека, смирившегося со своей неспособностью что-либо понять.

Поэтому у власти в Церкви находятся такие лично ничем не замечательные люди, как митр. Иларион (Алфеев), архиеп. Савва (Тутунов) или В. Легойда. Отсюда такое внимание к выступлениям протоиерея Ткачева или покойного о. Димитрия Смирнова.

То же и в богословии и церковном образовании. Это раньше о Боге можно было говорить не всякому, а теперь – всякому, и даже откровенно порочному, как преподавали что-то там Пантак или Кураев. Теперь и стар, и мал – все равно участвуют в развитии богословия, в конкурсе «Юный богослов», допустим.[3][4]

Иконы теперь пишут одинаково и монахи, и заключенные,[5] и люди православные, и, с другой стороны, о. Зинон.

Легкая, ослабленная святость становится доступной многим. Исчезает принципиальное отличие между немногими святыми (их всегда немного) и мудрыми (их тоже всегда мало), с одной стороны, и большинством. Миф протестантского происхождения о всеобщем священстве – всего лишь одно из следствий того, что разум исключен, а закон устранен.

Все люди оказываются равны оттого только, что их невозможно различить. Все люди равны, потому что нет порядка, нет закона Господня в разуме человека и разума – в его воле.

### **Очевидное неравенство**

Вроде бы опыт и предварительное знание говорят, что люди различны по своим достоинствам. Это так, но определить это с точностью невозможно.

Раньше заведомо принималось, что не все могут быть христианами, не все христиане достойны быть священниками, не всем позволительно учить других, не каждому позволено управлять обществом и Церковью.

Теперь все наоборот: вся Церковь, а не священник, совершает Литургию. Теперь все могут управлять государством посредством выборов. Голос каждого должен учитываться и в Церковном управлении.

Отсюда культ простого человека, культ обыденности, миф близости к народу. И это тоже политика силы.

Мы не знаем даже того, кто именно должен править: мудрый или глупый. Поэтому мы отдаем власть большинству, «всем», в светском ритуале выборов. Уж так-то мы точно не ошибемся...

Язык не поворачивается назвать это равенство достижением Нового времени. К равенству пришли от безысходности, оттого что неспособны разобрать, где мудрый, а где глупый, где благочестивый, а где нечестивый.

Больше того, на суждение о людях и их делах накладывается запрет: «Нельзя судить человека». «Нельзя осуждать человека». «Он может в любой момент покаяться, или уже покался».

Так новый человек побеждает сам себя. Мы более не можем руководить собой или другими. Мы не способны указать, где мудрость, а где глупость. Мы следуем за мнениями большинства, и делаем это по страсти и по рациональному расчету.

Новоприобретенным шестым чувством мы улавливаем, откуда пахнет силой, и следуем туда, где запах сильнее.

## Политика силы и ее реализм

Мы говорили о политике силы: что она такое и где мы ее находим. И мы пришли к выводу, что политика силы вездесуща.

В нашем современном мире ничего не происходит без политики силы. К этому можно притерпеться или противопоставить силе свою силу: скажем, в противовес модернистской секте создать секту антимодернистскую. Это будет та же политика, но с другим знаком.

Все это кажется естественным, потому что политика силы занимает весь умственный горизонт нового человека. На самом же деле новое положение – невероятно странное, если вдуматься. Всюду только соперничество разных сил! Это возможно при нескольких, совсем не очевидных, условиях.

Во-первых, человек руководствуется мифом о свободе. Как вы понимаете, это совсем необязательно, совершенно искусственно, произвольно и незнакомо прежним векам: Средневековью или Древнему миру.

Во-вторых, человек не должен более подчиняться своему разуму, а его разумом не должен руководить закон, воля Божия. Опять же очень удивительное изменение в человеке, не так ли?

Разум никуда не делся, конечно. Им продолжают пользоваться, но не подчиняются ему. Разум теперь регистрирует желания, направление воли. Он оформляет их как якобы разумные, но не судит.

Хорошо это видно на примере ленинизма. В.И. Ленин превратил марксизм из гностического знания в революционную тактику с сопутствующими оправданиями: почему надо поступать именно так, а не иначе. Тактику Ленин выбирает любую целесообразную в данный момент, а затем придумывает «научные» объяснения на марксистском новоязе. Разум нужен только как сочинитель оправданий.

Итак, разум больше не властвует в душе, а воля нового человека – неразумна, она не обращена на Божественный закон.

Новый человек все еще может обращаться к Богу. Но теперь он делает это по своей воле, и сознавая, что действует никем не принужденно. Воля нового мудреца не всегда в законе Божиим, а по его свободному желанию.

Вот такая складывается новая ситуация и именно ее реалистически оценивает политика силы.

Мы закрыли глаза и отказались руководиться разумом, а наш разум – законом. Надо смотреть на это трезво и опереться не на умозрение, а ступить на почву твердой действительности. Теперь мы ориентируемся на время, вес, длину и на голос большинства, на все, что имеет числовое выраже-

ние. У нас просто нет других способов разобраться в том, что происходит вокруг нас.

На этом еще не все. Нам только кажется, что, отвергнув разум и закон, мы можем твердо стоять на земле. На деле мы падаем как в бесконечный колодец.

Теперь нужно научно рассчитывать действие и силу страстей человека, учитывать вес его глупости и других духовных болезней. Идеолог опирается на социологический факт глупости и подлости большинства, а большинство – это всё.

При прежнем монархическом режиме, в старой Церкви глупые и подлые могли покаяться, обратиться за научением к разумным, мудрым и святым. Так они могли (не все, а некоторые) стать разумными и добродетельными. Теперь это исключено.

Политика силы принимает людей такими, каковы они есть. В этом состоит ее реализм.

Мы не витаем в облаках, а делаем святых, разумных, лидеров и послушных из того материала, который у нас есть. А для расчета, как это проще и быстрее сделать, у нас есть Администрация Президента, Фонд борьбы с коррупцией, Синодальные и епархиальные отделы и комиссии, Межсоборное присутствие, наконец. Все они – как бы проектные бюро, вырабатывающие планы перестройки человека.

Нужно так спланировать политику силы, чтобы она с самого начала соответствовала природе вещей. В нашем мире иначе нельзя ничего добиться. Иначе нельзя мыслить и говорить, руководить людьми и выполнять указания начальников.

Вот тут нужно гностическое знание, как Ленину было нужно для революции гностическое знание Маркса. Какова же природа вещей с точки зрения нового гнозиса? Она якобы такова, что побеждает тот, кто сильнее желает удовлетворить свою страсть.

## **Реализм страстей**

Значит политика силы – это реализм страстей, а не идеализм закона. Мы наблюдаем за людьми, познаём их желания, и от этого делаем вывод об их правах. Эти права мы должны уважить. Раз хотят, значит имеют право.

Идеологи дают людям то, чего они хотят, и говорят им то, что они хотят услышать. Идеолог знает, чего они хотят и что именно ласкает им слух. Это он знает, но поистине не знает уже ничего. Ведь мнения большинства и меньшинств, процентный состав населения и структура потребления ничего не говорят разуму. Они не говорят ничего об истине, не помогают нам понять, каков мир на самом деле, каков человек на самом деле, и что есть добро и зло.

В делах человеческих математический подход беспомощен. Без разума невозможно обойтись, если что-либо хочешь понять.

То есть наша свобода еще раз показывает свой обманчивый характер. Гнозис не дает подлинного знания, но он не дает и что-либо изменять.

Политики силы не только отказываются понимать иноприродный закон Божий, но и что-либо делать, что-то менять.

Они меняют только названия, меняют только мнения. Раньше за половые извращения наказывали, теперь их разрешили. Раньше мы думали об Андрее Малахове как о теленегодяе, теперь мы считаем его православным.[6] Раньше мы думали, что человек во чреве матери – человек, теперь мы называем его не человеческим на православном сайте «Благодатный огонь».[7]

## **Новый закон**

Нельзя более положиться на мудрость мудрого, чтобы он тебе объяснил, как поступать в том или ином случае, каковы должны быть цели и какие необходимы средства.

На внешний, независимый от человека закон тоже опасно опереться. Мы не знаем заранее: приятное нам этот закон прикажет, или неприятное.

Для ориентации нового человека абсолютно необходимо рассуждение о правах, как негласное и изустное, так и документально зафиксированное: и новое каноническое право, и «Основы концепции», и новый катехизис. Скажем, новый катехизис уже не учит истине, а фиксирует разброс допустимых в Церкви мнений. Купил книгу, и узнал, что можно говорить, а чего нельзя.

Идеологическая доктрина и новый закон становятся не объектами познания, а необходимыми средствами выживания нового общества. Без них все уничтожат друг друга, исчезнет и Церковь, растворится в других деноминациях.

Закон нового века – это набор прав человека, субъективных требований, выплеск человеческой воли, не руководимой разумом.

Права человека становятся особым – антиюридическим – законом.

Человек сохраняет верность мифу свободы. Он имеет право на все вещи и на все поступки. Позволены любые цели, подчиненные необходимости выжить среди соперничающих гордецов. И позволены любые средства для достижения этой цели. А вот произвола при этом нужно избегать, потому что разгул желаний тоже делает выживание гордецов невозможным.

Все это ставит добродетель на новую основу.

## **Добродетель в новом освещении. Идеал**

Добродетель, как закон для разума и желаний, сковывала бы свободу.

Заповедь Господня светла, просвещает очи (Пс. 18:9).

Не только в этой жизни, но и в вечности чего новый человек хочет, то и получает. Так учит православный модернизм.

Митр. Сергей (Страгородский):

Бог «каждому» «воздаёт по делам его», то есть сообразно тому, куда человек себя определил. Каждый поступает туда, куда себя сам определил.[8, С. 141]

Из нового понятия о правах рождаются разнообразные светские добродетели, а христианские добродетели исчезают. Становятся непонятны прежде всего добродетели разума: христианская честность, мужество, прямота, рассуждение, любовь к истине.

Светские добродетели марксизма (стойкость, например) и православного модернизма (смирение у проф. Осипова) – все та же политика силы. Например, «смирение» у А.И. Осипова разрушает порядок в догматике и нравственности. Для чего? Чтобы человек мог свободно действовать в мире и в Церкви.

От этого расчета о правах происходит и «соборность» новой морали. Ведь коллектив, да еще вооруженный по типу советского государства, есть наивысшее воплощение силы.

«Быть правым против партии нельзя. Правым можно быть только с партией и через партию», [9, С. 158] – скажет Троцкий, когда его будут прорабатывать на съезде РКП (б). Спустя четыре года то же говорит священник Флоренский: «Лучше грешить с эпохой, чем отделяться от нее, считая себя лучше других». [10, С. 88]

## Желание

Для нового человека идеал не объект разума, а предмет желаний.

Светская добродетель – это только намерение, а не соединенная с разумом сила. Но, – скажет вам любой гностик, – это намерение очень сильное, способное сдвигать горы. Или несильное, с другой стороны.

Если человек сильно стремится к истине (не важно какой), то это ему, якобы, зачтется вместо веры во Христа:

Истина всегда ведет ко Христу и потому, по словам Симоны Вейль, если стремится человек к Истине, то даже и убегая от Христа, он на деле к Нему идет (о. Александр Шмеман).[11, С. 16]

Важна сила желания, а исполнять его можно как угодно. Благо – уже не объективный принцип, это и не Бог как Судия, в согласии с Которым человек упорядочивает и судит свои поступки, мысли и слова.

Мораль не предшествует душе человека как закон Христов. Мораль возникает из обсуждения человеком своих желаний и вытекающих из них прав.

Например, все люди развлекаются, и не могут не развлекаться. Значит, это правильно. Вот почему запрет на развлечения вызывает ярость у православных, потому что они ожидали от нас реализма: разрешения не думать о Боге, так как мы о Нем не всегда думаем.

Тут находится место для иезуитских приемов управления сознанием: ментальной резервации, направления намерения и для цели, которая оправдывает средства.

## **Гностическая политика**

Новый человек повернут к миру и времени. Все сильное существует только в современности и внешнем («реальном») мире. Новый человек ищет коллектив, к которому мог бы примкнуть, ищет время, которому бы можно было соответствовать.

Поэтому политика силы находит свое рассчитанное применение в гностической политике нашего времени.

В такой новой политике тоже нет правды, а только игра сил. Кто силен, тот и прав.

Было советское правительство, рабоче-крестьянская власть. Так давайте же будем молиться в день Октябрьского переворота, поздравлять советское правительство с днем Седьмого ноября. Почему? Потому что победитель не может быть неправ, кто бы он ни был. Надо принимать вещи такими, каковы они есть.

Так и сегодня американские христиане не стали бы поддерживать Дональда Трампа, если бы он не доказал свою силу. Без его силы он им не нужен.

Все сильное, и за счет своей силы нормативное, существует только в современности и внешнем мире.

Поэтому так важно для нового человека не думать о том, что есть правильное и неправильное устройство общества. Нет легитимной и нелегитимной власти: нет больше тиранов и деспотов. Нет и свержения законной монархии.

Поэтому православные модернисты повторяют, что они пользуются наивысшей свободой в наши дни.[12] Они говорили это и в советские годы, посреди сталинских репрессий.

Они твердят, что для Церкви безразлично устройство общества, государственный строй. Церковь (модернистская) может существовать при любом режиме, потому что ею руководят не служители Истины, а трезвые, разумные люди вроде митр. Сергия (Страгородского).



То есть отношение такое: Церковь прекрасным образом существует в СССР. Рухнул СССР – тоже хорошо. Такое политическое суждение очевидно аморальное: все хорошо, потому что все безразлично. Мы сами устраиваемся в этом мире наилучшим образом и не зависим от политических случайностей.

Но заметьте, православную монархию наши новые люди оценивают уже не так примирительно. Она повинна и в Синодальном периоде, и в цезаропапизме. И даже цареубийство не имеет отношения к вере Царя, как утверждают самые изобретательные церковные деятели.

## **Власть в Церкви**

Борьба сил и желаний проникает и в Церковь. Православные спорят, что важнее: Писание или Предание, не замечая, что спорят не о принципах, а о власти современных демагогов толковать Библию и Отцов.

Прежде чем вести такие споры, надо бы лишить проходимцев вроде проф. А.И. Осипова возможности толковать Писание и Святых отцов. Но это не в человеческих силах, а христиане – это прежде всего реалисты, не правда ли? Христиане ведь всегда рассуждают в «рамках возможного»...

Или вопрос о мнениях в Церкви. Как его решить? Разум уже не помогает рассудить об истинности мнений самих по себе. В самих словах Писания или св. Иоанна Златоуста больше нет внутреннего критерия истинности и ложности. По словам судить невозможно. Мнения, не подкрепленные силой – это всего лишь слова, пустая порода.

Зато можно определиться с правом (происходящим от силы) говорить то или иное. Для этого надо назначить людей, которые имеют право говорить от лица Церкви. Владимир Легойда, например, митр. Иларион (Алфеев)...

Проблема решена. В. Легойда добился власти говорить от лица Церкви. Вот он и говорит, и каждое его слово – чистый изумруд.

Ты пишешь против ереси проф. А. И. Осипова? Это будет «борьба против Церкви». О той же ереси теми же словами высказывается Богословская комиссия – о, это совсем другое дело!

Или возьмем «Основы социальной концепции». Образцовый гражданин мира сего (то есть модернист) должен хотя бы на словах соглашаться с ними и не оспаривать, опять же, на словах. Как ты понимаешь «Основы социальной концепции» и исполняешь их, твое личное дело. Но выступать с суждением об «Основах концепции» ты не имеешь права, не имеешь права открыто заявлять о несогласии именно с этим документом.

Открытое несогласие считается борьбой против Церкви. А чтобы не бороться с Церковью, надо повторять то, что тебе говорят (если говорят с силой), держа свои православные мысли при себе.

Вот почему так важно выяснить, кто имеет право говорить от лица Церкви. Православный модернист должен знать, на чьей стороне сила. В этом его вера и его уверенность.

## **На чьей стороне сила**

Вот смотрите: пока еще считается, что Святые отцы – это голос Церкви. Однако понимание их никем не контролируется. Политика силы этим не занимается, потому что у нее нет разума.

Как же быть? Начинаются поиски согласия Отцов как принципа. Слова одного Святого – хорошо, но в эпоху электронных книг этого мало. Нужны целые собрания цитат. Только они имеют вес и силу, потому что их много. Они имеют, так сказать, «вес».

Истину более нельзя извлечь из слов одного Святого, из одного текста, из одной фразы.

Разумный человек хочет знать истину, и с него довольно. А для нового человека существенно важно, чей разум имеет право заменять и выражать общий разум.

И вот тебе говорят: «Правда? Где она, правда? У тебя, что ли? Нет, у тебя только мнение».

Для политики силы все, что ты говоришь, только мнение, если оно не подкреплено силой.

## **Теологумен**

То же и с теологуменами. Теологумен не истинное, а допущенное мнение. Кем допущенное? Властью силы.

Если бы речь шла о человеке, а не о массовом человеке, то теологумен был бы просто-напросто не нужен. В религии человеку нужна полная уверенность и окончательная истина. Зачем ему разрешение придерживаться того или иного вероятного мнения?

Зачем профессор Осипов повторяет из раза в раз, что у Святых были разные мнения о вечности мучений? Затем, чтобы обосновать свое право говорить так, как ему хочется. К вопросу об истине это заявление не имеет отношения.

Но, с другой стороны, руководство со стороны силы (веса, числа) непрочно, нестойко. Такое руководство может осуществляться только в движении, в развитии, реформе и революции.

## Политика силы и воля к власти

На этот раз нам предстоит закончить разговор о политике силы, разобрав следующие темы:

- верховная власть в больном обществе;
- безграничное распространение политики силы;
- воля играет роль разума;
- слово правды – всего лишь слово, а слово гностика – дело;
- политика силы необходима: идеологи делают то, чего не могут не делать.

### Верховная власть в больном обществе

Из нового понимания того, что такое сила, вытекает вся современная проблематика верховной власти. Какая может быть верховная власть в духовно больном обществе?

Раньше человек понимал, что миром правит Бог, помнил, что совершаются суды Божии над человеком. Это позволяло рассуждать о том, какой способ правления наилучший. Отсюда следовали и практические выводы: разумный должен править неразумными (более разумный – менее разумными), старый должен править молодыми, муж – женой и детьми, господин – рабом, знающий – незнающим (учитель руководит учеником, например), добродетельный – порочными и тому подобное.

Вместо этого разумного, и поэтому понятного, порядка, политика силы видит здесь неразрешимый вопрос. Все люди имеют желания и вытекающие из них право и силу. Поэтому, с точки зрения политики силы, разум и совесть совершенно недостаточны для поддержания порядка в обществе.

Политика силы в упор не видит причин, почему люди, одержимые волей к власти, должны подчиняться разумному человеку. Скорее, недостойные соберутся вместе и убьют того, кто лучше их. Их много, а он один.

Разумный может достичь верховной власти, если он сильнее, хитрее и лучше вооружен, но не потому, что он разумен в смысле христианском, то есть является учеником Христовым.

Если Царь-Мученик не смог подавить восстание в 1917 году, то он слаб, то есть неправ и не заслуживает канонизации. Вот как развивается мысль профессора Алексея Осипова – представителя политики силы в Церкви. То, что Царь свят и праведен, этого же не видно, но даже если он свят, от этого никому нет пользы.

Не все люди – носители здравого смысла.

Не все подчиняются разуму и совести, и это политика силы прекрасно понимает. Современный человек не видит ничего приятного в том, чтобы подчиняться нравственным и мудрым людям. Нравственные люди непредсказуемы и неуправляемы, а напротив, проходимцы и тираны понятны. От

них знаешь, чего ожидать: они больше всех стремятся к власти и наслаждению. Они человечны, хотя и в большей мере, чем все остальные.

## Не разум, а воля к власти

Политике силы остается произвольно, случайно, через борьбу сил, выбирать того, кто должен властвовать. Все идут к избирательным урнам, даже осужденные преступники, и бросают жребий. В Церкви же незнающие Писание собираются в кружки для совместного чтения Библии, где думают случайно научиться знанию через совместное незнание.

Поэтому такой интерес у публики вызывают выборы и революции: в них обнаруживаются те, у кого воля к власти сильнее. И мы с интересом наблюдаем за результатом соревнований.

Сталинская или ленинская власть могла обосновывать свои решения «научно», как бы рационально. Но в основе политики силы лежит все равно не разум, а воля.

Пока марксисты были не у власти, они могли говорить и думать о природе вещей как об абсолютно рациональной и познаваемой. Вспомним ленинский «Материализм и эмпириокритицизм», где он хвалился познанием «вещей в себе». Как только встает задача завоевания или удержания власти, этот рационализм отпадает и вместо этого возникает «воля народа», «генеральная линия партии».

Разум не лежит в природе вещей, вот на чем все основано. Разум только судит о вещах, а кому от этого польза? А воля играет роль разума и упорядочивает душу и мир, а точнее – убеспорядочивает.

Результат борьбы за власть не только интересен, но и очень важен. В нем скрыта суть вещей. Суверен, кем бы он ни был, и есть тот единственный высший закон, которому следует подчиняться. Суверен теперь совершенно необходим. Его разум властвует вместо Божественного закона. При смене режимов – как в 1991 году в России – человек теряет разум в прямом смысле слова. Он не знает, что ему думать, пока новый суверен не внушит ему этого.

Теперь частный человек никак не может сказать вместе с Чацким:

Чины людьми даются,

А люди могут обмануться.

Политики силы, прежде всего, реалисты. Они признают, что руководитель может быть нечестным, глупым и неспособным. Больше того, политики силы принимают это как данность, в отличие от Чацкого, который хотел встретить в Москве того, кто не ошибается намеренно и постоянно.

В политике силы оговорка про человеческую ошибку не имеет смысла. Политик силы заранее приспособливается к любым ошибкам, и поэтому никогда не ошибается.

## **Безграничное распространение**

Политика силы заполняет собой все, и тем самым совершает своего рода посястороннее чудо. Да она сама такое чудо и есть.

Она безгранична, потому что не имеет порядка, бесформенна. В беспорядке нет никакого места порядку.

Политика силы – это «всё», так как не оставляет места для политики правды. Политика силы – это настолько широкий путь, что не оставляет места для каких-либо других путей. По сравнению с ней Правда выглядит не политикой вообще, то есть не действием ради общего блага, а антиобщественным действием, хотя и беспомощным.

Политика силы распространяется во времени. Это проект, выход в будущее, которое творится самим человеком, и в этом смысле изъято из-под Божественной власти. Политика силы думает завоевать и прошлое тоже, вернувшись туда, где никогда не был, восстановить то, чего никогда не было.

В этих «чудесах», совершаемых политикой силы, есть нечто мнимое и нечто настоящее.

Политика силы действительно есть беспорядок и ложь, и поэтому правда и порядок не могут существовать рядом с ней, на равных с нею основаниях.

С другой стороны, завоевание будущего и прошлого есть просто фантазия.

Воля к власти действует и с помощью мифа, и с помощью реального беззакония. Так или иначе, воля к власти зовет к безграничной экспансии, понуждает человека выходить за свои пределы, заниматься не своими делами.

Отсюда такая роль внешней политики, ранее неведомая государственной мудрости. Почему Отдел внешних церковных связей Московского Патриархата – это главный Синодальный отдел? Потому что Церковь модернистов призвана заниматься не своими делами. В нарушении своих границ состоит ее суть.

Откуда такая роль экуменизма, укрепления межправославного единства? Откуда вдруг взялось все это социальное христианство и лжемиссия, расширение общения, самостоятельности мирян в Церкви, эти клубы, концерты, приходские инициативы и путешествия?

Все это происходит от принципиальной неполноты желания и воли. Воля безгранична, то есть бесформенна, и этим отличается от разума, имеющего вечную форму справедливости.

Ничем неутолимая воля к власти обретает свою форму в движении, в стремлении, на бегу. Теперь справедливость только в том и состоит, чтобы действовать, изменяя природу вещей.

Все так. Но приходит ли политика силы к искомой ею свободе? Вовсе нет.

Люди обманывают себя, когда думают, что способны поступать так или иначе. Кажется, например, что модернист иногда мог бы принести пользу Церкви. Но, прямо по Салтыкову-Щедрину, что он ни делает, все к стыду и к стыду.

Если человек любит Бога всем сердцем, то уже не может не любить (Ин. 21:15-17). Если же человек разрушает Церковь, то не может не разрушать. Он не может не пользоваться своей неразумной силой.

В этом отношении политика силы неизбежна, а не свободна. Новый человек творит свою волю. У него есть выбор, но поступает он неизменно дурно, во вред и к стыду.

Итак, круг замкнулся: в абсолютной свободе не находится никакой свободы, и это даже не парадокс.

## **Слово правды – пустое слово, а слово гностика – дело**

Все описанное в этой и предыдущих главах неизбежно выражается в языке политики силы. Он становится патологическим.

Когда душа не повинуется закону, то в словах человека больше нет правды. Слова не помогают разобраться в том, что разумно, а что неразумно, что греховно, а что добродетельно. Слова – это всего лишь слова. Мы можем судить об их значении только по тому, как они действуют. Навального или Моргенштерна слушают миллионы? Тогда его слово значительно, как он сам.

Слово правды нельзя так оценить. Для него нет человеческой единицы измерения. Его надо мерить невидимой мерой.

Политика правды ориентируется с помощью слова, а политика силы отказывается от этого руководства ради «дела» и «жизни». Отсюда такая яростная борьба модернистов с юридическими выражениями в Писании и Предании, со схоластикой и догматизмом. Рассуждение на человеческом языке ненавистно, потому что только путает, не дает нужной уверенности, не помогает достичь результата.

Вспомним все эти заявления: «Кто молится, тот и богослов».[13] Или: «Христианство – это не доктрина, не теория, не формула, а жизнь» (Виктор Несмелов, о. Павел Флоренский, о. Павел Чистяков и многие другие).

Вот еще несколько примеров из православного модернизма.

Профессор Осипов не может ясно выразиться, а виноват в этом человеческий язык, который недостаточно точно передает истину:

Язык современного человека, как и прежде, не может адекватно выразить не только чувства, ощущения и переживания, но очень часто у него не хватает однозначных, точных понятий и для выражения идей и мыслей. Многозначность понятий и терминов — одно из значительных препятствий на пути межчеловеческого общения и взаимопонимания.[14, С. 60]

Для другого модерниста, о. Павла Великанова, «язык дискредитирован, то есть невозможно уже говорить».[15]

Согласно о. Петру (Мещеринову), «язык – культурно-исторически обусловленное социо-эстетическое явление, и не более того».[16] Он же утверждает: «Язык общения сегодня должен быть только смысловым, реальным».[17] то есть, наверное, уже не языком, а обменом предметами, как предлагали прожектеры в «Путешествиях Гулливера».

Без руководства со стороны слова человек становится абсолютно свободен, то есть абсолютно запутан. Теперь каждый может под любым словом подразумевать что угодно, даже то, что словами вообще выразить нельзя.

## **Выводы**

Вот мы изложили наши замечания о политике силы. Теперь мы можем собрать разобранный нами конструктор заново.

Абсолютно свободный человек отказался от правды и разума. Желания свободных людей сталкиваются между собой. В войне всех против всех на первый план выходит сила: сила физическая, сила коллектива, сила ума, воли и образованности и прочие виды силы и их соперничество.

Теперь власть – это наибольшая сила, и больше ничего. Рядом с ней существуют меньшие силы, потому что полная победа невозможна, как и полное поражение. Но война все равно идет на уничтожение, потому что сила неразумна. Сила идет до конца, пока не столкнется с противодействием другой силы.

Человек гностически осмысливает эту ситуацию. Он согласовывает свою волю с обстоятельствами войны всех против всех. Он рационально соразмеряет безумные цели с аморальными средствами.

Вопрос о власти в массовом обществе становится неразрешимым. Он постоянно решается заново через согласование мнений и соразмерение сил, через войну или разбирательство.

Все люди грешники, и все неукротимо стремятся осуществить свою неутолимую волю к власти. Но это невозможно, и тогда приходится идти на компромисс, делать уступки реальности.

От компромисса свободен только тот, кто следует за истиной. И вот эта христианская свобода вызывает неутолимую зависть и осуждается поли-

тиками силы как «гордость». От гордецов так или иначе избавляются, подвергают остракизму. Здесь мы уже начинаем переходить к теме политики правды.

Мы видим, что в политике силы смешались:

1. реализм, как знание естественного и общего всем порядка;
2. нарушение естественного порядка;
3. незнание сверхъестественного порядка и 4) его нарушение.

Непросто понять, во что вмешиваются гностики. Их желание направлено в область сверхъестественного, но они туда не достигают. Воображение и воля не властны над благодатью.

Паскаль верно понимал ситуацию, когда говорил об иезуитах, что они хотят стать святыми:

Они не могут обладать непрерывностью и мечтают о вездесущности, поэтому разносят порчу по всей Церкви, чтобы самим стать святыми.[18, С. 273]

Политики силы хотят стать на месте святе (Исх. 3:5), но, как отступники от Христа, не знают, где оно. Знай они, где находится святыня Христианства, они бы пошли и завели там свои порядки.

Зато, как бывшие христиане, они знают, где находятся христиане, и поэтому враждуют с христианами из-за места в Церкви. Снова Паскаль:

Им мало того, что они принесли в наши храмы такие нравы, *templis inducere mores*. Они уже не просто хотят, чтобы их терпели в Церкви, но поскольку они стали сильнейшими, то желают изгнать других... Кто мог бы предсказать вашим (иезуитским) генералам, что так быстро наступит время, когда они распространят свои нравы на всю Церковь и будут называть войной отказ от такого беспутства.[18, С. 272]

Политики силы терзают души христиан, но только таких, которые и сами склонны к политике силы.

Святыня недостижима для неверующих. Неужели мы сомневаемся в этом?

## **Социальный сатанизм**

После долгого рассказа о политике силы пора переходить к разговору о политике правды. Перед этим осталось сделать небольшое примечание о социальном сатанизме.

Как только заходит разговор о социальном сатанизме, в воображении возникают образы ужасных и великих перемен, головокружительных проектов. Строительство Магнитки, коллективизация, культурная революция



в Китае, шоковая терапия в Чили, Аргентине и России. Это и церковная реформа, и гендерная политика, и новое образование. Вспоминаются новые города: Нью-Йорк, новый Париж, новая Москва...

Атмосферу социального сатанизма запечатлели Франц Кафка и Артур Кёстлер («Спящая тьма»). Структуру такого общественного строя прощательно описали Оруэлл, Хаксли, Замятин. Особенно хочется отметить книгу «Порабощенный разум» Чеслава Милоша. В ней поэт анализирует духовные болезни жертв и противников социального сатанизма.

Социальный сатанизм – наивысшее проявление политики силы. Именно в виде социального сатанизма сегодня политика силы борется с политикой правды. Это борьба разворачивается между людьми, а не идеями и учениями. Социальный сатанизм – это люди, социальные сатанисты, служители тотального общественного зла и проповедники общественно утверждаемой лжи.

Мы говорили, что политика силы состоит в том, что новый человек верит в свою абсолютную свободу и следует своей воле. В войне всех против всех человек гибнет или приходит к незаконному соглашению.

Вот и выходит, что политике силы мешают люди, то есть человеческая ограниченность тех, кто считает себя абсолютно свободным. Поэтому политика силы вынуждена избавляться от человеческого в делах человеческих, и делает это, создавая антигосударства.

Антигосударство возникает как орудие управления гордцами. Оно рационально организует войну всех против всех. Вот для этого и нужен особый род специалистов: социальные сатанисты, управленцы, социологи, политики, бизнесмены.

## **Что происходит с человеком?**

Итак, человек ограничен, он не приспособлен к тому, чтобы совершать чудовищные преступления с полной уверенностью в своей правоте.

Человек не предназначен к тому, чтобы менять церковные догматы, церковные обычаи и нормы морали. Он не создан для того, чтобы потешаться над верой, кощунствовать, фантазировать по поводу истин веры, называя себя богословом, и священнодействовать, не имея веры. Бог создал человека для другого, осенил христианина благодатью не за тем.

Но вот наступает время, когда человек как правило, по новому обычаю совершает все то, к чему он не готов по природе и тем более по благодати.

Человеку было бы невыносимо больно совершать преступления в промышленном масштабе. Ведь такой духовно больной человек не способен приспособиться даже к обычным условиям человеческого существования: бедности, болезни и смерти. Чтобы не чувствовать боли, все общество, начиная с правителей и кончая подданными, погружается в галлюциногенный сон.

Ведь откуда взялся коллективизм модернистов, постановлений Критского собора? Откуда все эти гностические медитации о «Единстве Церкви», и притом у людей, явно враждебных Православию? Галлюцинации нужны, чтобы православный забыл о том, что в это мгновение он предстоит пред Богом, а в вечности ответит за свои слова и дела.

## **Социальный сатанизм. Его свойства**

Как политика силы вообще, социальный сатанизм знает много верного о человеке, но использует это для того, чтобы забыть о Боге. То есть он является политическим гнозисом.

### **Всемогущество**

Социальный сатанизм понимает, что человеку нет покоя в этом мире. Человек всемогущ, но несчастен, несчастен, но всемогущ. Теперь он может решить любые проблемы. И он обязан (это новая заповедь) делать это не только сейчас, преображая будущее и даже прошлое.

### **Динамизм**

Социальный сатанизм озабочен тем, что ему кажется беспорядком человеческих отношений. Он не может примириться с гуманитарной неорганизованностью человеческих сил и способностей. Поэтому он непрерывно планирует, проектирует и осуществляет. Он никогда не находится в покое.

Вот один пример из церковной жизни. Для чего вождям реформы нужны молодые лидеры, молодежные движения, самостоятельность и самостоятельность мирян? Неужели они хотят воспитать тех, кто их свергнет? Нет, конечно. Так начинается движение по социальной лестнице, начинается соревнование на всех уровнях, а уже этим соревнованием можно управлять.

Такие процессы систематически выталкивают наверх людей негодных, без долга и чести. Такова реальность, и с ней можно работать. Кураев сгодился для разрушения и соблазна, потом стал не нужен. А в будущем он еще может пригодиться. Это вопрос только государственной и «церковной» мудрости, но не совести.

### **Историцизм**

Социальный сатанист слышит, как шелестят переворачиваемые им страницы истории. Его сознание по преимуществу историческое, оно овладевает прошлым и будущим.

### **Овладение будущим**

Социальный сатанизм с уверенностью смотрит в будущее, потому что сам его выбирает и определяет. Он свободно изобретает новые пути и смело следует ими, переселяется в окончательное совершенство порядка и строя.

### **Помпа**

Сатанистские проекты всегда значительные, они поражают воображение. Проекты рассчитаны на то, чтобы изменять климат на континентах, делать счастливыми или несчастными сразу целые народы, классы, решать вековые проблемы.

Социальный сатанизм – всегда гордость и помпа, и даже о своем милосердии теперь нужно трубить на всех углах.

### **Деловитость**

Социальный сатанизм переводит войну всех против всех в мирное русло. Теперь насилие имеет вид скучновато деловитый, научно и технологически сообразный.

### **Безошибочность**

Действиям социальных сатанистов присуще совершенство. Они никогда не ошибаются, а если ошибаются, то владеют в совершенстве приемами ухода от преследования.

Человек испытывает идеологические галлюцинации и не понимает, что он делает. Он защищен от собственного сознания и совести, а уж от обличений извне – тем более.

### **Рационализм**

Социальный сатанизм рационально согласовывает свои цели и средства. Теперь можно творить великие дела, а от великих дел происходит мораль социального сатанизма.

Она гласит, что выход есть всегда и притерпеться можно к любой ситуации. Новый человек морально всемогущ. Он в любой момент может стать предателем, согласиться с преобладающей силой, и сделать это со всей честностью.

Руководитель и исполнитель террора всегда субъективно честен, что бы ни творил. Его действия характеризуются своеобразной невинностью, неведением того, что добро и зло отличны.

Здесь мы сталкиваемся с сутью социального сатанизма: субъективно невинные люди совершают невиданные преступления. Без субъективной невинности были бы невозможны и сами преступления. Скажем, для проф. А.И. Осипова то, что он проповедует, и есть Христианство. Его искренность подкупает, делает его ложь необычайно заразной, но только для тех, кто не готов отличать истину от лжи.

Или возьмите новую благотворительность. Оказывая наедине милость одному человеку, можно ошибиться, сделать слишком мало или слишком много. Можно кого-то упустить, или помочь не тому, кому следовало. Человека, случайно впавшего в разбойники, трудно разглядеть. Другое дело – благотворение классам, слоям, социологическим стратам: классу слепых или престарелых.

Поэтому социальная политика, социальное христианство не ошибают-

ся. Это своего рода святость, сверхдобродетель: работать в благотворительной организации, хотя бы и за деньги.

## **Патологическая речь**

Социальный сатанизм создает свой язык. Он прямо занимается языковой политикой или развлекается на сайте «Русский пионер», как Владислав Сурков.

Новый язык отмечен теми же свойствами, что политика силы вообще: помпезностью и деловитой рациональностью, динамичностью и безнравственностью. Он нечеловеческий, всеобъясняющий. Это уже не слово, а дело.

## **Выводы и проблемы**

Теперь мы готовы увидеть социальный сатанизм в его истинном виде. Он не машина и не обезличенная система. Самый нечеловеческий режим, самая сверхчеловеческая наука и технология только притворяются таковыми.

Нет никаких «огромных масс» и «социальных слоев», которыми оперирует социальная политика.

В достижениях гностической цивилизации нет никакого величия. Они тленны и морально ничтожны.

Рациональность и научность скрывают самый махровый иррационализм новых правителей, их безумие, если говорить прямо. Ведь наука, которая не знает об ограниченности человека, не может быть истинной.

Деловитость социальных сатанистов оборачивается их беспомощностью, всеисилие – бездействием, действием бесполезным и эфемерным.

Само антигосударство не всеисильный тоталитаризм и «электронный концлагерь», а беспорядок, навязываемый обманом и силой.

Наконец, нет никаких «новых людей», а всюду те же обычные люди.

Так мы развеяли, как думается, ужас социального сатанизма, который он сам хотел нам внушить.

И все-таки ужас есть. Он состоит в том, что человек уподобляется отцу лжи, и этого не замечает ни он, ни другие.

## **Что такое политика правды и где мы ее находим**

Мы подробно изучали политику силы не потому, что она нам интересна, и не для борьбы с ней. Мы образовали такое понятие как «политика силы», чтобы понять, как обстоят дела.

От представителей политики силы мы узнаём, что политика правды им отвратительна. В особенности им ненавистно нездешнее совершенство христиан. Эта ненависть говорит нам, что политика правды существует хотя бы как норма.

Политика правды очень важна для нас. Мы только о ней и думаем, потому что мы бы хотели ей соответствовать в своих мыслях и делах. Политика правды дает инструменты для понимания, позволяет легко и правильно соединять правильные мысли. Но дает не всем, и об этом надо сказать в самом начале.

Мы уже выяснили, что политика силы основана на мифе о свободе. Человек считает себя свободным в мире естественном и сверхъестественном, в Церкви и государстве, в обществе и морали.

Миф свободы социально действенен и служит для гностического познания, потому что в нем есть доля правды. Человек в самом деле имеет возможность поступить в каждом случае так или иначе. На это вся правда мифа о свободе заканчивается, потому что человек поступает всегда одинаково (Откр. 22:11). Так происходит оттого, что у поступков есть основания. Никто не поступает беспричинно. Каждый следует своему разуму, духовно здоровому или больному:

По плодам их узнаете их (Мф. 7:16).

Политика правды основывается на истине, внешней для человека. Правда для политики правды – не своя, а чужая, заемная. Правда – это благодать и дар.

Правда о человеке гласит, что он несвободен. Причем несвободу надо понимать в определенном смысле:

- Человек не сам себя сотворил;
- Все его действия происходят перед Лицом Божиим;
- За мысли, слова и дела человек ответит на Суде Христовом.

Все делают только то, чего не могут не делать, поступают не своевольно, а по каким-либо основаниям. Значит, люди могут справедливо судить о людях и об их делах. Не получается сказать, что люди отдельно, а их мысли, слова и дела отдельно. Эти слова и дела уничтожает или доводит до совершенства Господь наш Иисус Христос.

Так вот как политика правды соединена с благодатью: невидимой нитью исполнения воли Божией (Мф. 7:24-27).

## **Политика правды и политика силы**

Политика правды всегда будет выглядеть в невыгодном свете, если сравнивать ее с политикой силы. «Положительная программа» у нас слабее, чем наше обличение политики силы, но зато политика правды распутывает то, что запутано политикой силы.

Политика силы создает путаницу, запутывает в ней человека. В политике правды все эти противоречия начинают одно за другим разрешаться.

Политика силы бессильна и ничего не меняет, но помпезна, вся в великих планах.

Политика правды скромна, но только в ней происходит все действительно важное.

Политика силы возможна со стороны и бессильного человека, каковы на деле все идеологи, гностики, модернисты. Политика правды требовательна, ее суд строг, и без правды она невозможна.

Политика силы полагается только на свой суд, политика правды – на суд Божий.

Бунт абсолютно свободного человека приводит его к компромиссам. А политик правды свободен от компромисса, и кажется поэтому самым гордым из всех гордецов.

Трудно говорить о политике правды. О ней говорить опасно. А политике силы можно ругать без опаски и с большой пользой для души. Отчего так?

Оттого что политику правды легко спутать с политикой силы. Мы все время скатываемся к тому, что политика правды – это альтернативная политическая программа, правильная утопия. Нам хотелось бы, чтобы политика правды была сильнее политики силы.

Правда неприятна, ее надо мыслить. Ты узнаешь истину и испытываешь удивление. Я бы даже назвал это отвращением. Ты отталкиваешься и уходишь от истины, но не можешь уйти совсем, и поэтому возвращаешься к ней.

Так Премудрость испытывает человека:

Сначала она пойдет с ним путями извилистыми, наведет на него страх и боязнь и будет мучить его своим водительством, доколе не уверится в душе его и не искусит его своими уставами; но потом она выйдет к нему на прямом пути и обрадует его и откроет ему тайны свои. Если он совертит с пути, она оставляет его и отдает его в руки падения его (Сир. 4:18-22).

Политика правды опасна, потому что непредсказуема. Когда мы идем за правдой, то выходим в незнаемое и неподвластное нам. Мы не знаем, куда идем, но знаем, чем все кончится.

Кто творит добро, исполняет заповеди, тот не осваивает ситуацию, не делает ее своей. Земное и небесное остается не в нашей власти.

Здесь все непредсказуемо, но в правде нет и ничего нового, изобретенного. Здесь все твердо установлено, непоколебимо находится в своих пределах.

## Что же такое политика правды?

Политика правды – это повиновение Божественному закону в делах человеческих, справедливое действие ради общественного блага.

Правда имеет неземной источник, но проявляется в земной политике. В этом не было никакого противоречия, пока существовало христианское государство. Сегодня государства нет, заменить его ничем, и где же тогда оказывается политика правды?

Политика правды есть особая область человеческой разумной и справедливой деятельности. Политика правды – это собственно политика, то есть участие гражданина в суде и власти.

Сегодня политическая природа политики правды не видна по нескольким причинам. Во-первых, духовно больное общество не может получить пользу от правды, не различает ее от лжи. А во-вторых, христианин участвует в суде и власти скорее как подсудимый и гонимый.

Политика правды не вездесуща. Мы не назовем «политикой» акт веры или исполнение заповеди. Политика правды ограничена как человеческая и правдива как Божественная.

Где же политика правды? В Церкви, в политике, искусстве, образовании, общественных отношениях. Она всюду, где христианин поступает по справедливости, например, сопротивляется Церковной реформе.

Сегодня политика силы захватывает все поле человеческих отношений. Она не оставляет места для политики правды, и это делает наш путь узким, а их путь – широким.

Мы смотрим на один и тот же мир, но видим разную картину. Политика правды видит только узкий путь, по которому его ведет Премудрость. Перед политикой силы открыт мир бесконечных возможностей и волшебных превращений.

Ярче всего правда сияет, когда Христианство сталкивается с политикой силы. Таков был подвиг Новомучеников и исповедников Российских.

Если бы коммунисты не обвиняли их в политических преступлениях, мы бы не стали говорить о Новомучениках как представителях политики правды. Это для них низко, слишком мало. Из свидетельства Новомучеников перед лицом гонителей мы увидели, что в подвиге Новомучеников была любовь к ближним, и она выражалась в заботе об общественном благе.

Для общества эпохи Сталина и Берии было хорошо, что в нем были христиане. Но это общество было настолько больно, что люди не могли никак извлечь пользу и убили тех, кто хотел им ее принести.

Политика предполагает государственную дружбу людей, добровольное подчинение и помощь одного другому. В революции возникает общество, в котором ничего этого нет, где вместо дружбы – вражда.

## Политика правды в наши дни

Здесь мы можем теперь дать еще одно определение политике правды. В наше время политика правды – это действие ради общественного блага в таком обществе, которое не понимает своего блага.

В том и состоит вся суть политики правды, что правда есть, но в руки не дается.

Следы дел человеческих исчезают, слова забываются, а правда остается, и глупо спрашивать: где она, когда ей никто не следует. И где находится тот вечный позор, которым себя покрыли сергиане и отступники от Христа?

Поэтому политике правды нет места в этом мире. Но в каком мире!

Христиане здесь никто, и за ними никто не стоит. У них ничего нет в этом мире, и даже сами они не свои (1 Кор. 6:19).

Они не могут устроиться в этом мире, и поэтому находятся нигде. Они отказываются от неразумных желаний и нечестивых планов, осуществимых при гностических режимах.

И вот какое странное дело: именно христианам нужна политика правды. Без нее почему-то нельзя изучать богословие и бороться за нравственность. Без нее нельзя по-настоящему рассориться с левыми и правыми модернистами, разного рода бесстыдными и нечестными людьми. Правда защищает и от примирения со светскими идеологиями и с религиями силы, типа магометанства.

## Свойства политики правды

В предыдущей главе мы дали такое определение:

Политика правды есть повиновение Божественному закону в делах человеческих, справедливое действие ради общественного блага.

Мы внесли также важное уточнение.

В наше время политика правды – это действие ради общественного блага в таком обществе, которое не понимает своего блага.

Теперь перечислим признаки политики правды и расскажем о некоторых из них.

- Политика правды несовершенна в своих действиях, но их доводит до совершенства Христос.
- Христианство предполагает политику правды, но смотрит на нее свыше.
- Политика правды необходима.
- В ней есть закон для всякой души, но не все ему следуют.



- Политика правды скромна, знает свое место, но в ней происходит все важное в мире и в душе человека.
- Она ничего не меняет, но не бездействует.
- Бессильна, ее голос неавторитетный.
- Для нее не все проблемы разрешимы.
- Политика правды сильна, но не своей силой.
- Это политика без поражений.
- Не мыслит и не говорит ничего нового.
- Она разумна, знает правду и знает правильные пути к правде.
- Видит действительность такой, какова она есть.
- Мыслит и говорит всю правду, без изъятий.
- Она безошибочна и только по-человечески ошибочна.
- Ей свойственен моральный расчет, она учитывает последствия своих действий.
- Это этика ответственности, а не убеждения.
- Политика правды не рассчитывает на успех.
- Это не программа действий, а цепь разумных и нравственно ответственных поступков.
- Не нацелена на результат, полезный в настоящих условиях.
- Если общество духовно больно, то Православие никак не может способствовать миру в обществе, его материальному преуспеянию, повышению настроения.
- Нацелена на правду, то есть на результат, но не тот, которого обычно ждут от политики.
- Политика правды не видит зла в страдании, в претерпевании.
- Она не уходит от преследования.
- Она любит свою участь.

Служители правды ничего не восстанавливают в прямом смысле слова. Они ничего не возрождают и никуда не возвращаются. Христианин остается в той точке истории, куда его поставил Господь.

В частности, это значит, что антимодернизм, пусть самый мощный и лучший, это не таблетка от модернизма.

Сергианство, нравственный монизм профессора Осипова: все это не поддается излечению человеческими силами.

Кажется так, что модернисты все время что-то делают, а мы сидим сложа руки. Мы смотрим на них со стороны и видим, что они ничего не делают, а суетятся (2 Фес. 3:11).

Если мы правильно говорим и действуем, это значит только одно: что мы не модернисты. У нас свои дела, а у них свои, отдельные.

Политика правды не делает ничего нового и ничего нового не принимает. Она несовременна.

Мы боимся что-либо менять вокруг нас, потому что рассуждаем о ми-

ре, каков он на самом деле. Мы видим, насколько мир сложно устроен, и опасаемся, изменив малое, изменить многое и великое.

Политика правды не боится говорить банальные истины, но они банальны только для тех, кто в них не верит. Христианин говорит с верой, как слова Божии (1 Петр. 4:11).

В отличие от политики силы политика правды не всемогуща и не представляет себя таковой.

Для политики правды не все проблемы разрешимы. Всемогущ Один Бог, Творец и Промыслитель. Политика правды это неизменно помнит, то есть видит всю действительность, а не только ее часть.

Ее голос неавторитетный и ничем не выделяется из общего шума. Его можно услышать только умом, а не ухом.

Голос политики правды не громче и не слабее, чем голос политики силы, но он не слишком тих и неблагозвучен. Голос правды – человеческий голос, не искаженный модуляциями. Он не подкреплён ничем, кроме веса самой истины, и этого ему довольно.

Можно ли сказать, что политика правды совершенно бессильна и беззвучна? Нет, она только кажется бессильной по сравнению с политикой силы.

Политика правды в чем-то сильна, в чем-то бессильна. Это опять же всего лишь человек, но человек предстоящий пред Богом.

Политика правды вся устремлена к правде и не думает о своей силе или бессилии. Она сильна не своей силой.

Политика правды знает свое место в порядке бытия и в благодатном порядке, в Церкви. Всюду она занимается своим делом, не преступает своих пределов.

Как политика, политика правды знает свое подчиненное место правде догматов и заповедей. А если не знает, то превращается в светский нонконформизм, диссидентство.

Она знает, что такое справедливость и служит ей. Следовательно, политике правды до всего есть дело и на все есть уместный ответ.

Нас всё касается, но от нас ничего не зависит. Надо всячески ограждать себя от мнения о том, что от тебя зависит судьба Русской Церкви, России или Белоруссии, США или западной цивилизации.

Политика правды действует неизменно скромно. Ей нет нужды выходить за пределы человеческих возможностей. Ее решения исправляют положение не полностью, а как бы отчасти. До совершенства и полноты эти действия доводит Господь наш Иисус Христос.

Так Новомученики и исповедники Российские не спасли Церковь, но угодили Богу. И этим они отличаются от сергиан, которые совершили великое дело «спасения Церкви», но прогневили Бога.

В глазах политиков силы скромность правды выглядит заносчивой, прибежищем гордецов и чистоплюев.

### **Гордость политики правды**

Нам, действительно, нужна вся правда. И мы знаем, что для этого нужно многое и далекое от нас: мудрость, знание, мужество, любовь к истине.

А полуправда была бы полной неправдой, как ослабленное Христианство вовсе не является Христианством.

Правда стоит одна-одинешенька, и ее не поддерживает никакая сила. Если она гордится, то не собой, а это крайне неприятно для представителей политики силы.

Да зачем она вообще нужна: правда, вся правда, а не ее удобная половина? В быту вся правда не нужна, как не нужна и полная честность. Она не вмещается в обыденную жизнь, потому что эта такая жизнь. Она вмещается только в жизнь духовно христианскую.

Еще более раздражает политиков силы то, что политика правды – это политика без поражений.

Политика правды является настоящей политикой, и в то же время она есть норма, закон, правило. В ней правосмыслие соединилось с праводеланием. Это хождение пред Богом (Быт. 5:24).

Благодаря этому политика правды не терпит поражений. Она всегда существует как правило, хотя бы ему никто и не следовал сию секунду.

Христианин всегда устремлен умом к правилу, которое содержит всю истину.

С другой стороны, политика правды по-человечески ошибочна, она несовершенна в своих достижениях. Ее ошибки по Своей милости исправляет Бог и Промыслитель.

Политика правды не имеет ничего общего с политикой мнений, пусть даже верных. Здесь важнее знать правило, чем достичь своих целей.

Может сложиться такое положение, когда ничего разумного сделать нельзя. И такая ситуация складывается все чаще.

### **Политика ответственности**

Политика правды отказывается считать благом любое движение и действия и злом – бездействием.

Христианин знает, что его действия вызывают цепь следствий, и то, что он несет ответственность за них пред Богом.

Мы не можем оправдываться тем, что хотим только хорошего. Хотеть хорошего мало. Такие желатели добра всегда находятся, вроде старых и новых печальников о кошунниках и бунтовщиках.

Надо бы сначала узнать, каково это хорошее, а потом уже призывать к милосердию. Иначе делая милость одному, ты совершаешь жестокость к другому, жалея преступника, убиваешь невинного.

Возьмите, например, Церковную реформу в Русской Православной Церкви.

Надо хорошо знать, что она действительно происходит. И когда видишь творящиеся безобразия, надо повторять себе, что Церковная реформа проходит давно, более ста лет. И совершается она по безумному плану реформаторов и стихийно, по логике человеческих страстей, то есть под влиянием не только иерархии, но и развращенного церковного народа.

Из этого вытекает, что невозможно противодействовать реформе с помощью открытых писем, сбора подписей, митингов и мирянских организаций.

Практика всегда ведет к компромиссу и к поражению. Но в данном случае она и бессильна, если мы правильно заключаем, что Церковная реформа происходит от утраты веры. Христианство незаметно удаляется от людей, и мирянские бунты едва ли смогут этому помешать.

Политика правды не уклоняется от неразрешимых в человеческом смысле проблем. Она видит бедствия человечества, претерпевает их вместе со всеми и ожидает их разрешения Самим Богом. В этом смысле она любит свою участь.

Отказываясь уклоняться от преследования, от общих всем условий человеческого существования, политика правды оказывается гонимой.

В ее непотворении есть предел, бедствиям есть конец, и он не во власти людей и обстоятельств.

Поэтому мы говорим всесильным ныне гностикам: делайте с нами что угодно. Да, мы здесь никто и мы нигде, но есть нечто более страшное, чем быть нигде. Гораздо страшнее компромисс, создающий магических посредников между правдой и ложью.

Христианин, как представитель политики правды, не может приспособиться к беспорядку. Он сделался негодным для мира, он всегда как кость в горле.

Христиане – самые совершенные граждане. Они подрывают существующий строй, если он основан на лжи. Каждый христианин – самовластный «тиран», сохраняющий лояльность нездешнему строю.

## **Как мыслит политика правды**

Политика правды смотрит на мир без страха и со вниманием. Она мыслит, рассуждает о правде и о действии по правде. Политика правды непрерывно узнает нечто новое о себе и своем несовершенстве.

Для нее важнее правильно понимать истину, чем действовать. Ведь мыслить правильно и познавать истину всегда возможно, а действовать – далеко не всегда. В нашей скорбной юдоли человеку чаще приходится страдать, рыдать, терпеть, чем действовать...

Политика правды размышляет обо всем лучшем и худшем. Например, она исследует вопросы о том, каков лучший образ жизни, какой лучший государственный строй. Она задумывается над тем, какова должна быть правдивая речь, над тем, что такое «старое», а что «новое», и которое из них лучше.

Политика правды судит о вещах юридически, то есть с помощью правильно образованных элементарных понятий и правильно соединяет их друг с другом и с мыслью об общественном благе. Она идет прямо к цели: «виновен – невинен», «должен – не должен», «насколько виновен и сколько должен».

Политика правды знает, что такое справедливость, и руководствуется совестью и разумом, чтобы поступать справедливо. Она стремится стать частью наилучшего образа жизни и строя, и она грубо и прямо судит о том, насколько ей это удалось.

Политика правды не всегда безошибочно размышляет о лучшем и худшем, о старом и новом. Однако она неизменно имеет правильные мысли о мире, созданном Богом, управляемым Промыслом Божиим.

Она знает, что в области истины правит истина, а не человеческая сила. Она отличает мудрость от глупости и хочет отличать ясно и уверенно. Она знает цену мудрости, узнаёт мудрого при встрече с ним.

Политика правды знает и то, как устроен человек и человеческое общество.

Значит, политика правды видит всю действительность без изъятия. Она видит законченность и совершенство мира, и не допускает ничего нового в мире и новых путей для решения.

## **Порядок**

Прежде всего политика правды знает, что природа есть порядок. Политика правды напряженно размышляет о границах, о пределах вещей, об отделенности одной вещи от другой и одной мысли от другой.

Порядок мироздания состоит в том, что природа вещей не меняется, что человек меняется, но не легко и не по своему произволу, а по некоторым основаниям, правильным или ложным.

Размышление о порядке носит, таким образом, философский характер. Христианская политическая философия знает: где граница – там порядок, а где порядок – там природа и действие Промысла Божия, Который сохраняет природу вещей неизменной.

Политика правды опасается перейти свои пределы и боится нарушить пределы вещей. Поэтому она стремится всегда знать, что ее касается, а что нет.

Мы определили, что политика правды – это разумное и справедливое действие ради общественного блага. Ни больше и ни меньше. В этом ее ограниченность, определенность. Она всегда на своем месте, а не на чужом.

Общество есть порядок в том смысле, что природа вещей общественных так же неизменна, как устройство человека и природного мира.

Люди по разуму и совести должны повиноваться закону, который сходит извне и свыше. Разумный должен править неразумными, старый должен править молодыми, мужчина – женщиной, господин – рабом, знающий – незнающим, добродетельный – порочными.

Случайно к власти может прийти Генрих VIII, Иван Грозный или Наполеон. Это именно случайность, хотя и нередкая. И в этом случае человек не остается без руководства со стороны разума и закона, хотя и претерпевает бедствия.

## Политика универсальна

Общество и природа сложно устроены, в них действует множество сил. Это устройство надо знать, и надо понимать, что, меняя что-то одно, мы меняем многое.

Если все так, и сложный порядок всюду неизменен, то и любая политика универсальна. Общество – это один объем, без внутренних перегородок.

Значит, политическое действие затрагивает всех. Оказывая милость преступникам, ты вредишь невиновным; защищая бунтовщиков, наносишь удар сторонникам режима, призывая к ненасилию, вредишь и тем, и другим. Но даже поступая справедливо, например, сопротивляясь агрессору, ты приносишь страдания собственному народу; служа государству, ущемляешь своих родных. В этом закон политики, который надо затвердить наизусть.

И где же в этом взаимосвязанном обществе найти мир? Путь к миру – в том, чтобы видеть истинные разделения и игнорировать мнимые.

К примеру, мы должны не воображать себе, что в Российской Федерации царствует справедливость, а должны понимать, как она царствует, несмотря на всю несправедливость.

Каковы же истинные разделения и каковы мнимые? Общественное благо одно для всех времен и народов, здесь нет различия. Но все мы видим, что духовно больное общество видит свою пользу не в истинном благе, а в своих ценностях.

Развращенное общество видит в религии опасность, источник вражды. И здесь оно не ошибается. Справедливость и истина действительно

угрожают существованию современных режимов в той мере, в какой эти режимы хотят оставаться разращенными.

Рассмотрим пример с экуменизмом.

В Российской Федерации сосуществуют магометане и православные, и они не всегда воюют между собой. Однако между магометанством и Православием существует непримиримая вражда. Следовательно, весь наш внутренний российский экуменизм ведет не к миру, а к вражде с Истиной.

Неужели политика правды поощряет вражду христиан и магометан, гражданскую войну? Ни в коем случае. Мы всего лишь видим, что эта вражда существует, и не обманываем себя.

Господствующий сегодня в Церковной и государственной политике трезвый консерватизм принимает как данность, что между религиями нет мира. Чтобы избежать прямого столкновения, он позволяет всем жить по своим традиционным или нетрадиционным законам. Так рассуждает политика силы: каждый этнос и секта будут жить в своем анклав и не мешать другим. А чтобы договориться о том, как не мешать друг другу, и нужен диалог между религиями.

Это вроде бы рационально, но несправедливо. Это путь к духовной катастрофе, да это сама катастрофа и есть, и ее можно увидеть в православно-магометанском диалоге.

Истинный мир надо искать в другом. Например, нельзя разрешать магометанам нарушать семейный кодекс Российской Федерации, раз он отражает справедливость. Нельзя делать Православие юридически равноправным с магометанством, потому что только Православие знает истинное общественное благо.

Но почему же именно политика правды выглядит антиобщественной, а не политика силы, которая попирает законы справедливости? Потому что сегодня в обществе царит не просто беспорядок, как полное отсутствие порядка. Здесь сложился несправедливый «малый порядок», обнимающий гражданина со всех сторон, как воздух. Отнимите его, и дышать будет нечем.

Поэтому, указывая на единственный истинный источник мира, ты разрушаешь малый порядок и тот мир, который установился в нем.

Говорить правду в разращенном обществе – жестоко и вредно. Это должен помнить тот, кто желает говорить разумно.

## **Разумная речь политики правды**

Есть разум и правда, есть правдивая и прямая речь о правде.

Человеческая речь позволяет нам ориентироваться в общественно важных делах. Через слово мы понимаем, что в мыслях и делах человеческих соответствует образцу, а что нет.

Политика правды выражается точно и неточно, грубо и негромко. Но она неизменно говорит на человеческом, то есть понятном человеку языке. Благодаря этому ее неточную речь можно точно понять, а тихую – явно слышать. В человеческой речи можно разобраться, рассудить, что правда, а что нет. Но чтобы понимать друг друга, надо соблюсти предварительные условия, точно такие же, как в мысли.

Говорить может не каждый, и не обо всех предметах. В этом видна скромность правдивой речи, которая говорит безопасно и рассуждает по порядку.

Обращается слово правды тоже не ко всякому, а только к разумному, принимающему слово (Деян. 2:41). Истина беседует с любящим истину, и у нее есть свои средства проверки того, насколько ученик любит истину.

Представители политики силы более всего ненавидят политику правды за ее несовершенство, слабость, смирение, а также за грубую речь и юридическое рассуждение.

Политики силы верно полагают, что политика правды отрекается от мнимой творческой и божественной природы человека. И в самом деле, политика правды не всегда достигает своих земных целей. И это свое несовершенство она воспринимает со смирением, а не отчаянием.

Грубая, юридическая, судящая речь неприятна тем, что на ней нельзя вести патологический диалог, достигать компромисса, притворяться и актерствовать. Для политики силы невыносимо слышать, как прямо и честно говорят те, кто совершенно бессилен и по-человечески несовершенен.

Все это ненавистное политикам силы невозможно устранить из политики правды, и значит ее конфликт с политикой силы не может быть разрешен на земле.

Отступление человечества от Бога не останавливается, потому что правда бесполезна для представителей политики силы. Они не могут у нее поучиться или ее устыдиться, не могут понять, что она говорит.

В завершение скажем о том, каким политика правды видит современный мир?

Правдивые мысль и речь приводят к тому, что над всеми человеческими целями водружается правда. Мы не закрываем глаза, а видим положение таким, каково оно есть. Пусть оно непоправимо, это не повод, чтобы изменять правде.

Может быть, у политики правды есть пути решения проблем, может быть, их нет. Это политику правды заботит во вторую очередь. Во всяком случае возможность не отвлекает ее от мыслей об истинно существе и о существующем мнимо.

Политика правды видит мир таким, каков он есть, имеет правильные мысли о нем и следует единственно возможным путем.



## **В чем состоит правда политики правды?**

Правда политики правды состоит в том, что христианин не может приспособиться ко злу и лжи нацизма, коммунизма и модернизма. Зло буквально невыносимо, и его последствия непоправимы.

Христианин в этом зле не участвует. И поэтому в его душе царит духовный мир, а не потому, что из любого положения он найдет выход.

В современном мире обязанности политики правды состоят из обязательного и невозможного.

Так, злу надо противостоять деятельно, а не только в мысли, но в наше время действие, как правило, невозможно.

О добре и зле необходимо судить со властью, но сегодня у политики правды нет авторитета.

Политика правды вынуждена судить действия и слова Церковной иерархии и правителей государства. Это задача непосильная. Нам бы нужно, стоя на месте слушающего, отбирать хорошее от плохого. И даже это невозможно и, в то же время, необходимо.

Наконец, политика правды легко, нисколько не затрудняясь, побеждает политику силы в области разума. Но для этого нужен порядок в обществе, то есть государство. Только в этом случае политика правды социально действенна, потому что именно государство ставило преступников перед судом разума.

Если государства нет, то у политики правды есть только один выход: быть преследуемой от антигосударства.

## **Возражения против политики правды**

Против политики правды можно выдвинуть много возражений, в основном, со стороны политического православия, собственно православно-модернизма.

Так политика правды не по своей воле оказывается предметом спора и нападения, и не уклоняется от этого. Представьте себе, насколько скромность политики правды противна для тех, кто и в Церкви ищет влияния на лица и массы, стремится к рационально рассчитанному успеху!

Впрочем, христианин все равно не становится участником гностической политики. Политическое православие нападает на его душу как искушение, сеет в нем сомнение в правде.

Мы говорили, что политика правды предполагает знание правды. Поэтому мы предпримем попытку найти здоровое зерно в возражениях против политики правды. В результате, мы, возможно, лучше узнаем, что она такое.

Главное возражение против политики правды состоит в том, что она призывает к бездействию и ненасилию, чуть ли не буддийскому недеянию.

Политика правды, с ее отстраненностью, выглядит неуместной. Сегодня электронные СМИ, средства связи и платежные системы предоставляют частному человеку неограниченные возможности, обеспечивают мобильность по типу бесплотных духов.

50 лет назад в распоряжении инакомыслящих были разве что ручка, бумага, пишущая машинка и, в лучшем случае, ксерокс. Сегодня частный человек с помощью компьютера и смартфона может перед лицом всего мира благотворить, писать и подписывать письма протеста, объединяться с себе подобными, создавать СМИ, писать комментарии.

Я не стану сейчас исследовать духовную природу новой мобильности и новой иммобильности. Могу лишь указать на то, что эти возможности являются иллюзорными в моральном смысле. Нас пьют возможности, а не действительность. Поэтому надо непрестанно испытывать, в чем именно следует участвовать, а от чего отстраняться.

Призывая не участвовать в Церковной реформе и антигосударственных протестах, в развлечениях и политике, мы исходим не из принципа недеяния. Мы по большей части не видим безопасного (в духовном смысле) способа действия. Нет дороги – и мы стоим.

Вот возьмите экуменическую молитву. В ней нельзя участвовать, потому что так написано в Книге правил. Но ведь и в светской молитве тоже нельзя участвовать. Государственные и общественные ритуалы – это тоже род молитвы. Недопустимо поклоняться Вечному огню, хотя бы и в совершенно мирском смысле.

Теперь представьте себе: сколько светских ритуалов политической религии вокруг нас! А ведь многие мы даже не замечаем, участвуя в них по привычке.

Значит, больше нельзя отмечать День прилета птиц и посадку первого дерева в аллее, участвовать в выборах и демонстрациях, выступать на митингах, благословлять концерты и спортивные соревнования.

Сознательная христианская жизнь резко сужает круг допустимых действий и целых профессий. Лишь изредка появляется возможность сделать что-либо в общественном поле. Надо видеть положение вещей, и размышлять над тем, почему так обстоят дела, и со спокойствием выслушивать обвинения в трусости и лени.

Тот, кто отстраняется от участия в светских ритуалах, выглядит нелояльным по отношению к власти или оппозиции. И это еще одно обвинение, которое надо отвергать в принципе. Наша лояльность другого рода, и она навсегда останется непонятой участникам современной политической борьбы.

## Боремся ли мы с модернизмом?

Мы по привычке говорим, что боремся с модернизмом, Церковной реформой, ересями и сектами. Следовало бы подробнее исследовать, что же происходит, когда мы сталкиваемся с модернистами, спорим с ними.

Хотелось бы надеяться, что в этих спорах мы сами стоим пред Лицом Божиим. А это значит, что мы не соревнуемся с модернистами за власть и влияние в Церкви, а говорим правду как слова Божии (1 Петр. 4:11). Мы не участвуем в информационной войне и не занимаемся контрпропагандой, не ввязываемся в соперничество между разными мнениями.

Все вместе это означает, что христианин побеждает ложь даже тогда, когда бывает побежден в споре и в борьбе за власть. И, наоборот, христианину грозит поражение, даже когда он одерживает победу.

Церковная жизнь течет поверх человеческих расчетов.

Вот как идет борьба с модернизмом: без всякого ажиотажа на трибунах, без поражений для правой стороны.

В этом смысле самое важное происходит незаметно, в частной жизни. И здесь христианина подстерегает обвинение в том, что он борется с Церковью.

«Антимодернизм тоже борется против Церкви, как и модернизм», – говорит один наш критик. Интересно, но он в чем-то прав. Мы не участвуем в борьбе за власть и влияние, мы бессильны и безвластны. В то же время мы постоянно, хотя и неэффективно, критикуем лица, документы, Церковную реформу как таковую.

Современная иерархия полностью законна, и мы нисколько не оспариваем власть управления и учения. Но пользуется она властью, чтобы противоречить предыдущей истории Православной Церкви, и так впадает в противоречия сама с собой.

Власть реформаторов – это безвластие, когда каждый следует своей воле к власти и ничем в этом не ограничен. Отсюда такая роль мирян, как чувствуют конформисты и бунтовщики. Сегодня власть в Церкви зависит от мирян, от их конформности со всем, что говорит иерархия. Но и это тоже недостижимо, как любая тоталитарная утопия.

Чтобы «не бороться с Церковью», мирянин должен не писать ничего на «Антимодернизме». Но этого мало. Он не должен внутренне и внешне выражать какое-либо несогласие, как-либо уклоняться от участия в реформе Церкви. Он обязан даже в мыслях соглашаться со всем, что говорит и делает иерархия сейчас. Но даже в этом случае он не будет в мире с Церковью, потому что никто не может приспособиться к беспорядку, создаваемому Церковной реформой.

Вот в чем мы не участвуем, и не напоказ, без расчета на удобство и успех. Политика правды – это единственный непротиворечивый ответ на

беспорядок в обществе и Церкви. Только так мы противоречим не Богу, а только миру политики и лжи.

Конечно, для политики силы все будет «политикой». Что бы ты ни делал, твои действия всегда будут борьбой за власть, хочешь ты этого или нет. И это тоже надо принимать со смирением, переносить все, что нам уготовили представители политики силы.

Наконец, рассудим о том, откуда берутся возражения против политики правды. Не сразу понятно, почему политика правды вызывает столько возражений. Мы говорили о ее скромности, о том, что она всегда на своем месте и не покушается на чужое. В наше время она в политическом смысле находится нигде. Она незаметна и социально бездейственна. Она даже не интересуется ходом борьбы за Патриарший престол, хотя это, вроде бы, входит в обязанности современного православного.

В мире, где идет постоянная борьба за чужое место, за власть над умами и сердцами, политика правды занимает ни для кого не завидное место. Она судит мир, даже когда молчит, даже когда она стерта с лица земли.

То, что христианин находится на своем месте, а место его – пред очами Божиими, раздражает сильнее самой яростной провокации. Вы мне скажете: кого раздражает? как раздражает? Больше похоже на то, что в современном мире о вас и о вашем Боге никто не знает и это нисколько не заботит сильных мира сего.

На это я отвечу, что политика правды раздражает глупца во мне самом.

На стороне политики правды: Правда, знание Правды, смирение перед Ней, страх Господень.

Набрано и сверстано в текстовом процессе L<sup>Y</sup>X.

## Список литературы

- [1] *Достоевский Ф. М.* Бесы. // Полное собрание сочинений в 30-ти т. Л.: Наука, 1974. Т. 10.
- [2] *Лейбниц Г. В.* Славнейшему мужу Томасу Гоббсу Готфрид Вильгельм Лейбниц. // Сочинения В 4-х т. М.: Мысль, 1983. С. 112–114.
- [3] Детские богословские чтения прошли в Чувашии // Патриархия.ru. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/302112.html> (дата обращения: 08.09.2023).
- [4] Конкурс «Юные богословы» прошел в столице Мордовии // Патриархия.ru. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1099300.html> (дата обращения: 08.09.2023).
- [5] Убийца стал главным иконописцем семи колоний // Антимодернизм.ру. [Электронный ресурс]. URL: <https://antimodern.ru/ubijca-stal-glavnym-ikonopiscem-semi-kolonij/> (дата обращения: 08.09.2023).

- [6] Андрей Малахов на свои средства построил храм в Мурманской области // Православие и мир. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/andrey-malahov-na-svoi-sredstva-postroil-hram-v-murmanskoj-oblasti/> (дата обращения: 08.09.2023).
- [7] Институт Гамалеи опроверг слухи о содержании абортивных материалов в вакцине «Спутник V» // Благодатный огонь. [Электронный ресурс]. URL: <https://blagogon.ru/news/766/> (дата обращения: 08.09.2023).
- [8] *Сергий (Страгородский), митр.* Православное учение о спасении: Опыт раскрытия нравственно-субъективной стороны спасения на основании Священного Писания и творений Свято-отеческих. 2-е изд. Казань: типо-лит. Имп. Ун-та, 1898. 254 с.
- [9] Тринадцатый съезд РКП(б). Май 1924 года: Стенографический отчет. М.: Государственное издательство политической литературы, 1963.
- [10] *Флоренский П. В.* Священство Павла Флоренского // Вестник РХД. 1990. № 160.
- [11] *Шмеман Александр, о.* За жизнь мира. New York: Effect Publ., 1983.
- [12] *Тихон (Шевкунов), митр.* Для меня нет вопроса, за кого голосовать // Православие и мир. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravmir.ru/archimandrit-tixon-shevkunov-dlya-menya-net-voprosa-za-kogo-golosovat/> (дата обращения: 17.06.2014).
- [13] Говори, Господи, раб Твой слушает // Журнал Московской Патриархии. 2022. № 5.
- [14] *Осинов А. И.* Спасение - освобождение для мира и справедливости во Христе. Значение Церкви // Журнал Московской Патриархии. 1976. № 3. С. 60–64.
- [15] Миф после мифа: честно о главном // Православие и мир. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravmir.ru/chestno-o-mifah-otkrovennaya-diskussiya-video-i-audio12/> (дата обращения: 01.07.2023).
- [16] *Петр (Мещеринов), о.* Размышления о расцерковлении // Православие и мир. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.pravmir.ru/razmyshleniya-o-rascerkovlenii/> (дата обращения: 20.05.2018).
- [17] *Петр (Мещеринов), о.* Церковность или идеология? [Электронный ресурс]. URL: [https://www.rp-net.ru/book/discussion/Seminar\\_Hristianstvo/o.Petr.php](https://www.rp-net.ru/book/discussion/Seminar_Hristianstvo/o.Petr.php) (дата обращения: 25.01.2024).
- [18] *Паскаль Б.* Мысли. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1995. 480 с.